УДК 821.113.6 + 821.511.111

МОТИВ ПОТЕРЯННОЙ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ К. А. ТАВАСТШЕРНЫ

МАТАШИНА Ирина Сергеевна,
аспирант сектора литературоведения ФГБУН «Институт языка, литературы и истории» Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск, РФ), irinadesh@mail.ru

Введение. Объектом изучения является творчество финского писателя К. А. Тавастшерны как представителя шведской части населения страны. Предмет исследования – лирика поэта, в которой наметился переход от романтической литературной традиции к реалистической, что получило продолжение в романах автора. Цель работы – проследить изменение языкового баланса в Финляндии и проанализировать, каким образом превращение шведского в язык национального меньшинства сказалось на творчестве финляндских шведов и обусловило появление в нем мотива потерянной родины. Результаты могут быть использованы при подготовке курса истории финской и финско-шведской литературы Финляндии.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили стихотворения К. А. Тавастшерны из сборников разных лет. Использование сравнительно-типологического и проблемно-тематического методов позволило очертить круг лирических произведений, в которых выражается мотив потерянной родины, сопоставить их с литературной традицией Финляндии середины и конца XIX в., а при помощи историко-хронологического метода была подчеркнута связь судьбы автора и выражения им голоса всего поколения финляндских шведов.

Результаты исследования и их обсуждение. Творчество К. А. Тавастшерны является примером перехода от романтического направления в литературе Финляндии к реалистическому. В лирике писателя нет мотивов, характерных для произведений Ю. Л. Рунеберга и его последователей. К. А. Тавастшерна, чьи стихотворения имеют автобиографические черты, исследует положение финляндских шведов и передает ощущение потери родины. Причинами появления этой тематики послужили смещение языкового баланса в стране в пользу финского языка и соответственно сокращение сферы употребления шведского.

Заключение. Лирика К. А. Тавастшерны, как и его романы, заложила основу для дальнейшего развития шведской литературы Финляндии, описывающей современный общественный уклад и актуальные события, что отличало автора и от предшественников-романтиков, и от представителей неоромантизма.

Ключевые слова: К. А. Тавастшерна; шведская литература Финляндии; XIX век; лирика; романтизм; реализм.

Для цитирования: Маташина И. С. Мотив потерянной родины в лирике К. А. Тавастшерны // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 36–45.

Введение

XIX век в Финляндии – время расцвета национального финского движения и противостояния внутри страны двух групп населения. В историографии они традиционно называются фенноманами и свекоманами. Их конфронтация вышла за рамки сугубо социальной: «…повышение статуса финского или шведского языка в Финляндии второй половины XIX в. стало ассоциироваться с выражением определенных политических взглядов» [3, *31*]. Тенденция к финнизации граждан получила документальное подтверждение в 1863 г., когда Александр II подписал «Высочайшее постановление об уравнении в правах финского и шведского языков» (шв. “Språkreskript” / фин. “Kielireskripti”). Вследствие изменений в языковом балансе Финляндии произошло превращение шведской части населения из привилегированной элиты в национальное меньшинство. Размышления о своеобразии своего положения наложили отпечаток на создаваемую представителями этой группы литературу.

Творчество финляндского шведа, писателя Карла Августа Тавастшерны (K. A. Tavaststjerna, 1860–1898), находится в русле реалистической литературы Финляндии конца XIX в. Он был одним из тех, кто отступил от романтической литературной традиции и попытался описать проблемы, волновавшие общество на рубеже XIX–XX вв. Тавастшерна выразил тревогу о будущем Финляндии, художественно ее переосмыслив.

© Маташина И. С., 2017

Обзор литературы

Русскому читателю Тавастшерна известен мало, однако он был признан в литературных кругах не только Финляндии, но и Скандинавии, а Юхани Ахо перевел один из его романов на финский язык. Первая посвященная ему исследовательская работа вышла уже в 1900 г., через два года после смерти писателя – литературовед и историк Вернер Сёдеръельм составил биографию Тавастшерны на трехстах страницах. К творчеству Тавастшерны обращались лингвисты (Ю. Тидигс и др.), поскольку его романы считались образцом правильного финляндского шведского, но даже в них находили так называемые провинциализмы, которые становились предметом обсуждения и изучения. Литературоведы М. Маццарелла, Ю. Нумми и З. Драбекова рассматривали феномен замкнутости национального меньшинства – финляндских шведов – в пределах Финляндии и его отражение в литературе, в том числе в произведениях Тавастшерны [13; 15; 16]. В контексте истории развития реалистической литературы Финляндии его романы упоминали Э. Г. Карху, Я. Ахокас, Т. Варбуртон и М. Экман [6; 11; 26; 27].

В России были изданы два романа Тавастшерны: «Мать и сын. Роман из жизни финских крестьян» (“Kvinnoregemente”, перевод В. Фирсова, Санкт-Петербург, 1897), «Смерть – лучший друг» (“I förbund med döden”, приложение к «Новому журналу иностранной литературы», Санкт-Петербург, 1901).

Материалы и методы

Методологическую базу исследования составляет комплексное применение сравнительно-типологического, проблемно-тематического, историко-хронологического методов. Материалом послужили сборники лирики Тавастшерны разных лет: с 1883 по 1897 г.

Г. В. Иванченко и Д. А. Леонтьев выделяют четыре контекста, в которых раскрывается поэзия, в их числе социокультурный, подразумевающий изучение динамики культурно-исторического функционирования поэзии как формы общественного сознания [5, *11*]. Взяв за основу положение о связи поэтического текста не только с личностью автора, но и с окружающей ее действительностью, мы попытались проанализировать особенности мироощущения особой группы населения Финляндии – финляндских шведов – на примере творчества Тавастшерны. Для этого были отобраны семь стихотворений, наиболее ярко иллюстрирующих эволюцию представлений писателя о Финляндии как о потерянной родине.

Результаты исследования и их обсуждение

Путь творческого становления писателя начался во время учебы в Политехническом институте в Хельсинки, где он с 1878 по 1883 г. изучал архитектуру. Именно в это время Тавастшерна обретает интерес к литературе, читает Ч. Диккенса, Г. Ибсена, Э. Золя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева [21, *439*]. Сразу после окончания учебы он публикует первый сборник стихов «За утренним ветерком» (“För morgonbris”, 1883), давший начало его известности в читающих кругах Финляндии. Высокая художественная ценность лирики обеспечила произведениям Тавастшерны долгую жизнь как литературных шедевров, а Я. Сибелиус на некоторые из текстов поэта написал музыку. Композитору импонировала «щедрая цветовая изобразительность» стихотворений соотечественника [2, *33*].

Первая поэтическая книга содержала отчасти романтические мотивы, но в ней отсутствовала традиционная для романтизма национально-патриотическая тема. Слова «родина» и «бог» не упоминались в сборнике, что было отмечено современной писателю критикой [6, *483*]. Для Тавастшерны сугубо национальные вопросы становятся в этот период менее важными, чем интеркультурные. Финский историк литературы Сёдеръельм приводит отрывок из письма поэта от октября 1880 г.: «Я начинаю испытывать все большее отвращение к

Финляндии с ее самодовольной молодостью, надеждами и ограниченным патриотизмом, и мелочными, всевластными языковыми конфликтами. После такого путешествия, в котором можно вдохнуть нечто иное, чем местечковые идеи, и ту ограниченность, что зовется патриотизмом, следует обладать более свободным взглядом на жизнь и более прочной основой мировоззрения, чем может иметь человек, зажатый в углу мира и пропитанный пылью, сдуваемой только веяниями мировых идей» [21, *18*].

За поэтическими сборниками последовали романы, в которых финская действительность изображается в реалистическом ключе, что было характерно для европейской литературы в целом. Тавастшерна не отказывается от написания стихотворений, но и в них разрыв с романтической традицией становится все более очевидным. Примером этого служит книга «Стихи в ожидании» (“Dikter i väntan”, 1890), вышедшая в свет через семь лет после первого сборника стихов. Ее открывает раздел «Моя страна», посвященный актуальным событиям и проблемам: «Проснись, Суоми!» (“Suomi, vak upp!”, о независимости Финляндии), «Яльмар Нейглик» (“Hjalmar Neiglick”, на смерть финского критика, друга поэта). Здесь прослеживается сквозная для творчества Тавастшерны тема: изображение необратимых исторических изменений в стране. Автор делится с читателем ощущением потерянной родины и в то же время продолжает давнюю традицию произведений, написанных по особому случаю. Их функция выходит за рамки одной конкретной ситуации: такого рода лирика «…находится в русле животрепещущих тем и иллюстрирует изменения, происходящие в общественной жизни» [17, *107*]. Исследователи творчества писателя отмечают, что появление мотивов потерянной родины, отсутствия корней было обусловлено, с одной стороны, личными переживаниями, с другой – стало выражением голоса целого поколения молодых финляндских шведов, которые находились «…на распутье между фенноманией, либерализмом и зарождающимся шведским национальным движением» [12, *46*].

Поэт противопоставляет друг другу традиционные ценности и индустриальное развитие, нарушающее первозданную красоту и культуру, которую так ценили романтики, например в стихотворениях «Утреннему певцу Финляндии» (“Till Finlands morgonsångare”), «Чествование» (“En hyllning”). Осознавая разницу между поколениями, он описывает изменение ценностей и традиций, но подчеркивает важность достояния Финляндии прошлых времен:

Vi unga, som vuxit mogna
i feberutvecklingens tid,
vi synas måhända ej trogna
hvad fädren tryggat sig vid.
Hvar tid har sin egen lära,
framsprungen ur den, som gått,
och det är de gamles ära
hvad ädelt i arf vi fått!

Мы, молодые, созревшие
во время лихорадочного развития,
не верны тому,
во что верили наши отцы.
У каждого времени свое знание,
вышедшее из былого,
и честь предков –
наше благородное наследство![1]
(«Утреннему певцу Финляндии») [23, *6*].

По-прежнему важную роль в этом сборнике играют космополитические воззрения автора. На протяжении всего творческого пути Тавастшерне было свойственно стремление выйти за пределы тематики одной страны, представить более широкую картину реальности. Датский литературовед и критик П. А. Тофтегаард в связи с этим отмечает: «…его взгляд обладал широтой космополита – национальные вопросы он считал менее важными и ура-патриотизм был ему неприятен» [25, *16*]. Действительно, в книге отсутствуют национально-романтические мотивы. В стихотворении «Скорость транзита» (“Transitofart”) описываются финны, эмигрировавшие в Америку (таковых, согласно статистическим данным, в 1840–1944 гг. насчитывалось порядка 300 000). Поэт обращается к родине:

[1] Подстрочные переводы выполнены автором статьи, за исключением особо оговоренных случаев.

Du mitt karga land, som bakar stenhårdt
mödans bröd,
sörj ej att du här går miste om ditt bästa stöd!
Du har offrat dina söner forr åt nationaliteten, –
offra dem med dubbelt jämnmod,
när det sker åt mänskligheten!

Мой суровый край, пекущий твердый,
как камень, хлеб нужды,
не страдай о своей потерянной опоре!
Раньше ты жертвовал своими сыновьями
для нации, –
пожертвуй ими еще хладнокровнее
для человечества!
(«Скорость транзита») [23, *29*].

Поэты и раньше описывали нелегкую жизнь финнов в своей стране, но при этом не забывали отметить: народ гордится Финляндией и с любовью переносит тяготы, что преподносит им природа. Хрестоматийный пример этого – гимн Финляндии, написанный Ю. Л. Рунебергом, «Наш край» (“Vårt land”, 1846 г., перевод А. Блока):

Vårt land är fattigt, skall så bli
För den, som guld begär,
En främling far oss stolt förbi;
Men detta landet älska vi,
För oss med moar, fjäll och skär
Ett guldland dock det är.

Ступай, надменный чужевер,
Ты звону злата рад!
Наш бедный край угрюм и сер,
Но нам узоры гор и шхер –
Отрада слаще всех отрад,
Неоцененный клад.

Лирика Рунеберга выражает представление о Финляндии, бытовавшее в сознании людей еще с начала XIX в. По мнению представителей финского национального движения, страна должна была идти по пути «…“чистой культуры”, в стороне от социально-политических движений эпохи» [10, *7*]. В стихотворениях Тавастшерны нет приверженности этой традиции, романтического восхищения Финляндией, он воплощает в них актуальные события и свое отношение к ним. Хотя поэт получил признание как финляндский новатор-реалист благодаря романам, эта тенденция характерна и для его ранних стихов.

В понимании Тавастшерны реалистическое изображение действительности предполагает нейтральную позицию автора, что заметно и в его прозе, и в поэзии. Как уже было сказано, в конце XIX в. финское общество было расколото на два лагеря, языковой вопрос занимал важное место в умах людей. Фенноманы ратовали за общие язык, традиции и менталитет, а в крайнем выражении представляли Финляндию «…моноязычной, культурно и политический единой» [18, *4*]. Программа свекоманов была обратной: в их планы входило сохранение шведского языка в стране. Писатель сознательно не причисляет себя ни к одной из групп. Он стремится быть объективным, но понимает, что эта проблема актуальна для общества:

Snart skulle jag hemma i Helsingfors
bland fenno- och svekomaner
få bära mitt lilla vittra kors
och tiga i noten som en nors
och umgås – bara med planer.

Скоро дома, в Гельсингфорсе,
среди фенно- и свекоманов
я буду нести свой литературный крест
молчать в разговоре, словно рыба,
говорить – только о планах.
(«Домой» “Hemåt”) [23, *49*].

Для финляндского поэта более важным оказывается описание своей страны в целом, и пример преодоления языковой вражды достоин стать предметом его внимания:

Finska toner, Savolaks sång, som födts
där, vid gränsen, kampen var hvardagsgästen,
följas tätt af “Eläköönrop”, som mötts
än i går af splittrande språkprotesten.

Финские мотивы, песня Саво, рожденная
возле границы, где вражда
была частым гостем,
продолжается криком “Eläköön”[2],
против которого еще вчера возникали
языковые протесты.
(«Чествование») [23, *49*].

Освещение ситуации в обществе отдаляет произведения Тавастшерны от господствовавшей ранее лирики в духе Рунеберга, для которой характерны «…глубокое восхищение природой, ограниченное описание маленького пространства в отрыве от большого мира, идеализирован-

[2] Да здравствует!

ные описания в целом и традиций в особенности» [20, *77*]. Общечеловеческое писатель ставит выше национального, что идет вразрез с общим настроением в среде романтиков, воспевавших исключительность родных мест.

В Швеции общий тон комментариев к стихотворениям Тавастшерны был доброжелательным, но финская критика не сразу их приняла. Например, в статье, посвященной пьесе «Сделки» (“Affärer”, 1890), критик С. Г. Эстландер дает такую оценку: «…писатель известен как один из певцов действительности, извлекающих выгоду тем, что понимают в этой действительности как можно меньше» [14, *38*].

После второго сборника «Новые стихотворения» (“Nya vers”, 1885), как уже было сказано, последовали романы. В краткой характеристике творческого пути К. А. Тавастшерны Э. Г. Карху приводит отрывок из его письма, в котором он доказывает современникам, что проза – «…более верное средство служения писателя своему времени, чем стихи» [6, *485*]. Романы прославили своего автора как реалиста, чутко откликавшегося на происходившие в стране события. Однако в конце жизненного пути Тавастшерна снова обратился к лирике, и в поздних стихотворениях мотивы утраченной родины зазвучали с новой силой.

В 1896 г. был опубликован сборник «Стихи» (“Dikter”), а в 1897 г. – «Увенчанный» (“Laureatus”). В первом выделяются раздел «Песни свободного мореплавателя» (“Friseglarens sånger”), лирический герой которого чувствует себя не свободным человеком, а скорее, изгнанником, а также известное стихотворение «Домой в осенний дождь» (“Hemåt i höstregn”) [6, *489–490*]:

Hemåt i höstregn, hemåt i natten,
hem öfver svarta svallande vatten,
hemåt mot vinden, hemåt mot strömmen
styr jag min farkost, men såsom i drömmen,
vågorna väcka mig icke ur den.

Домой в осенний дождь, домой в ночь,
домой по волнующейся черной воде,
домой к ветрам, домой к порогам
веду я свое судно, но, будто во сне,
волны не будят меня.
(«Домой в осенний дождь») [22, *39*].

По возвращении из Европы на родину писатель ощущает барьер между ним и его окружением. Парадоксально: литература, квинтэссенция «национального, этнического самосознания» [7, *196*], к которой в поисках самоидентификации традиционно обращается человек, выносит на поверхность противоположные мотивы: вокруг автора есть близкие люди, но лирический герой его стихотворений внутренне готов к одиночеству и забвению:

Botgörarfärden har jag att vandra,
tigga hos vänner och fränder och andra,
hvilka likt böljorna höja och sänka mig
såsom sin lekboll, innan de dränka mig
djupt uti glömskans signade sjö.

Я пройду дорогой покаяния,
побираясь у друзей и единомышленников,
вздымающих и опускающих меня,
словно игрушку, в волнах,
прежде чем утопить в озере забвения.
(«Домой в осенний дождь») [22, *40*].

Возвращение в Финляндию стало основной темой для многих стихотворений из сборника «Стихи». Однако путь на родину воспринимается лирическим героем не просто как путешествие изгнанника – к корням, домой возвращается блудный сын. Два стихотворения, расположенных подряд, рисуют картину изменений в «родовом гнезде»:

Finnbacka Finne, min styffar sträng,
aldrig blir på din gård jag dräng!
Förstfödd är jag i din husbondstuga,
far min var svensk och hette duga:
mor min tog gården med mig i arf,
medan jag än var en liten slarf.
…
gårdens framtid och kvinnans sinne
gjorde dig sen till min styffar, Finne!
Syskon du gaf mig, men äldst bland dem
blef jag en främling i eget hem.

Финн из Финнбакка, мой строгий отчим,
я никогда не стану работником
на твоем дворе!
Я был первенцем в твоем доме,
мой отец был шведом, был достойным
человеком:
вместе со мной в придачу моя мать получила
в наследство весь двор,
когда я был еще мальчонкой.
…
Будущее дома и женская благосклонность
сделали тебя, финн, моим отчимом!

Ты дал мне братьев и сестер, но я, старший,
стал чужим в своем доме.
(«Финн из Финнбакка» “Finnbacka Finne”) [22, *53–54*].

На первый взгляд, в этом произведении довольно прозрачно противопоставление финно- и шведоязычного населения, все изменения языкового баланса в стране переданы через историю семьи. По мнению наследника шведского отца, он по моральным качествам превосходит финского отчима. В данном случае очевидна оппозиция одной части населения относительно другой, усиливающаяся за счет «дисбаланса в силе» между ними [19, *277*]. Однако при сопоставлении с биографией автора можно предположить наличие еще одного смыслового уровня: Тавастшерна противопоставляет себя остальным жителям Финляндии, в которой он все больше чувствует себя лишним, ведь язык является одним из «…главных атрибутов национальной принадлежности» [8, *276*].

Мотивы одиночества, безрадостного возвращения вновь звучат в стихотворении «Блудный сын» (“Den förlorade sonen”), где поэт играет с традиционным содержанием одноименной притчи. Сначала действие развивается в соответствии с библейским текстом, но счастливого воссоединения семьи не происходит:

Min väg går bort ifrån lifvets stränder,
du sitter lugn i din krets af fränder;
min fader: stigarna, som vi vandra,
gå fjärran, fjärran ifrån hvarandra.
Ditt öppna hus är ej mer mitt hem.
Säg mor och syskon jag hälsar dem!

Мой путь далек от берегов жизни,
ты спокоен в кругу своих друзей;
отец мой, наши пути
далеки, далеки друг от друга.
Твое приветливое жилище больше
не мой дом.
Передай привет матери, братьям и сестрам!
(«Блудный сын») [22, *59*].

Эти стихотворения пронизаны общим настроением неприятия дома – родины; лирический герой больше не ощущает общности с соотечественниками.

Подобные чувства переживает лирический герой сборника «Увенчанный»: «…я рожден быть безумцем… я хочу прокладывать прямой курс без помощников» [24, *57*]. Последние произведения писателя проникнуты минорным настроением, ощущение одиночества усиливала его прогрессирующая глухота.

Заключение

Образ Финляндии занимает центральное место в творчестве Тавастшерны и с течением времени приобретает все большее значение. В ранних стихотворениях писатель старается избегать употребления слова «родина», а впоследствии оно появляется в заголовке одного из его романов. Творчество Тавастшерны конца XIX в. отличают художественное изображение Финляндии как потерянной родины, а также создание текстов в русле реалистического направления. Потерянная родина – это Финляндия, в которой финляндские шведы стали национальным меньшинством, утратив безусловно привилегированное положение в обществе.

Писатель открывает для финской литературы новый путь развития, отмежевываясь от романтической традиции. В прозаических и стихотворных произведениях он отражает прошлое и современную ему действительность, выборочно – злободневные вопросы. Раннее творчество характеризуется космополитическими мотивами. Отказ от воспевания национальной романтики уже является новаторством. Тавастшерна продолжает развивать сравнение Финляндии и Европы, освещать проблемы, назревшие в обществе. Его произведения идут вразрез с зарождающейся эстетикой неоромантизма, представители которого, опираясь на руны «Калевалы», реализуют «…искусство ожидания и веры в назначение человека» [9, *200*]. По словам исследователей, таким образом формировался «национальный канон», что «позволяло игнорировать существование декаданса в культуре эпохи» [1, *74*] и проявлялось в творчестве ряда писателей стран Скандинавии [4, *45*].

Большое значение в формировании общей картины потерянной родины для персонажей поэзии и прозы Тавастшерны имеет позиция автора. Хотя он попытался быть бесстрастным наблюдателем, его личное отношение к социальным из-

менениям, как и автобиографические перипетии, занимают важное место в сюжете романов. Одиночество – особенность их героев. Данный мотив усиливается в поздних произведениях, которые автобиографичны. Финляндия становится для Тавастшерны потерянной родиной, вдали от которой он находился во время долгих заграничных путешествий и которую описал в стихах и прозе. Именно Финляндия и происходившие в ней события составили основу созданных им сюжетов, несмотря на их общий минорный лад.

Поступила 06.11.2017, опубликована 12.03.2018

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богданов Е. В. Ницшеанство и декаданс в поэзии Л. Онерва // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель / науч. ред. Е. Г. Сойни. Петрозаводск, 2013. С. 68–74.
2. Горная И. Н. Финская камерно-вокальная музыка XX века. Петрозаводск: Карелия, 2005. 392 с.
3. Дементьева А. М. Борьба между свекоманами и фенноманами как импульс для начала исследования шведского языка в Финляндии // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2016. № 4. С. 28–35.
4. Ермакова О. С. Новелла А. Дюбфеста «Одинокий» в культурно-историческом контексте // Скандинавская филология. 2015. № 13. С. 44–52.
5. Иванченко Г. В., Леонтьев Д. А. Поэзия как междисциплинарный феномен: на перекрестке языка, культуры и личности // Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ю. Б. Орлицкого. Москва, 2015. С. 9–29.
6. Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX в. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 510 с.
7. Коровин А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) // Studia Litterarum. 2016. Т. 1, № 1/2. С. 192–210.
8. Рубинс М. О. Литература в контексте транснациональной теории // XXLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: избр. тр. / отв. ред. С. И. Богданов, Ю. В. Меньшикова. Санкт-Петербург, 2014. С. 275–283.
9. Сойни Е. Г. Финские неоромантики и русские символисты: сравнительно-типологический аспект // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всерос. конф. финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. / редкол.: Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. Петрозаводск, 2014. С. 197–200.
10. Такала И. Р. От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 3 (140). С. 7–17.
11. Ahokas J. A History of Finnish Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1973. 568 p.
12. Barck P. O. Arvid Mörne och sekelskiftets Finland. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1953. 420 p.
13. Drábeková Z. On myths and stereotypes concerning mutual relationship of Finnish and Finno-swedish literature // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum / red. H. Mantila, J. Sivonen. Oulu, 2015. P. 379–380.
14. Estlander C. G. K. A. Tavaststjernas nya skådespel // Finsk Tidskrift. 1890. № 3. P. 203–214.
15. Mazzarella M. Det trånga rummet: en finlandssvensk romantradition. Helsinki: Söderström, 1989. 263 p.
16. Nummi J. The power shift of the 1880-s. Themes of isolation and minority in K. A. Tavaststjerna's Barndomsvänner // Cahiers d'Etudes hongroises et finlandaises. 2011. № 17. P. 191–209.
17. Öhrberg A. Tillfälleslitterära transformationer // Tidskrift för litteraturvetenskap. 2012. Vol. 42, № 2/3. P. 99–110.
18. Saukkonen P. The Finnish Paradox: Language and Politics in Finland // Recode Working Paper Series. 2012. № 5. P. 1–11.
19. Stark L. The Rise of Finnish-Language Popular Literacy Viewed through Correspondence to Newspapers 1856–70 // Vernacular Literacies – Past, Present and Future. Northern studies monographs / ed. by A. Edlund, L. Edlund & S. Haugen. Umeå, 2014. P. 261–277. URL: https://jyx.jyu.fi/dspace/handle/123456789/45383 (дата обращения: 05.10.2017).

20. Steinby L. Det paradoxala med Runeberg som idylldiktare // Samlaren. 2013. Årg. 134. P. 74–94.
21. Söderhjelm W. Karl August Tavaststjerna. En lefnadsteckning. Helsingfors: Tidnings- & tryckeriaktiebolagets tryckeri, 1900. 324 p. URL: http://runeberg.org/wskat/ (дата обращения: 29.09.2017).
22. Tavaststjerna K. A. Dikter. Helsingfors: Wentzel Hagelstams förlag, 1896. 143 p. URL: http://runeberg.org/katdikter/ (дата обращения: 06.10.2017).
23. Tavaststjerna K. A. Dikter i väntan. Helsingfors: Finska litteratursällskapets tryckeri, 1890. 175 p. URL: http://runeberg.org/katdiv/ (дата обращения: 06.10.2017).
24. Tavaststjerna K. A. Laureatus: Epopé i tretton sånger, jämte en samling efterlämnade lyriska dikter. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1897. 232 p. URL: http://runeberg.org/katlaur/0053.html (дата обращения: 29.09.2017).
25. Toftegaard P. A. K. A. Tavaststjerna – vår man i Paris // Källan. 2005. № 1. P. 12–17. URL: http://www2.sls.fi/media/kallan/Kallan1_05.pdf (дата обращения: 29.09.2017).
26. Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förla, 1984. 428 p.
27. Wrede J. K. A. Tavaststjerna: den hårda verkligheten // Finlands svenska litteraturhistoria. Första delen: Åren 1400–1900 / utgiven av Johan Wrede; [red.: R. Knapas]. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1999. S. 437–445.

THE MOTIF OF THE LOST HOMELAND IN THE LYRICS BY K. A. TAVASTSTJERNA

MATASHINA Irina S.,
PhD student, Literary Section, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), irinadesh@mail.ru

Introduction. The object of the article is the work of the Finnish writer K. A. Tavaststjerna as a spokesperson of the Swedish part of the country's population. The subject is his poetry, which depicts the transition from a romantic literary tradition to a realistic one, which was further developped in the author's novels. The aim of the study is to trace the change in the language balance in Finland and analyze how the transformation of Swedish into a language of the national minority left an imprint on the creativity of the Finnish Swedes and determined the appearance of the motive of the lost homeland.
Materials and Methods. The material of the study was the poems by K. A. Tavaststjerna from different years. The use of comparative-typological, problem-thematic methods made it possible to delineate a range of lyrical works which contain the motif of a lost homeland, to compare them with the literary tradition of Finland in the middle and the end of the XIX century, and by using a historical-chronological method to accent the connection between the author's life and his attempt to express the voice of the entire generation of Finnish Swedes.
Results and Discussion. K. A. Tavaststjerna creativity is an example of a transition from a romantic literary school in the literature of Finland to a realistic one. In the writer's lyrics there are no motives that could be typical for the works by J. L. Runeberg and his followers., Adding some autobiographical attributes to his poems, K. A. Tavaststjerna examines the status of Finnish Swedes and conveys a sense of loss of their homeland. The reason for the outpointing of this topic was the shift in the language balance in the country in favor of the Finnish language and, accordingly, less frequent use of Swedish.
Conclusion. Lyrics by K. A. Tavaststjerna, as well as his novels, laid the foundation for the further development of Swedish literature in Finland, the formation of literature, which describes the modern social structure and current events. It distinguished the author from both Romantic predecessors and representatives of neo-Romanticism.

Key words: K. A. Tavaststjerna; Swedish literature of Finland; XIX century; lyrics; romanticism; realism.

For citation: Matashina IS. Motiv poteriannoi rodiny v lirike K. A. Tavastsherny [The motif of the lost homeland in the lyrics by K. A. Tavaststjerna]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 4: 36–45. (In Russian)

REFERENCES

1. Bogdanov EV. Nitssheanstvo i dekadans v poezii L. Onerva [Nietzscheanism and decadence in L. Onerva's poetry]. *Eino Karkhu – chelovek, filolog, myslitel'* = Eino Karkhu, a person, a Philologist and a thinker. Petrozavodsk; 2013: 68–74. (In Russian)
2. Gornaia IN. Finskaia kamerno-vokal'naia muzyka XX veka [Finnish chamber-vocal music of the XXth century]. Petrozavodsk; 2005. (In Russian)
3. Dement'eva AM. Bor'ba mezhdu svekomanami i fennomanami kak impul's dlia nachala issledovaniia shvedskogo iazyka v Finliandii [The struggle between fennoman and svecoman movements as an impulse to the start of research of the Fenno-Swedish]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiia* = Herald of Tver State University. Series Philology. 2016; 4: 28–35. (In Russian)
4. Ermakova OS. Novella A. Diubfesta «Odinokii» v kul'turno-istoricheskom kontekste [Arne Dybfest's short story "A lonesome" in the historical-cultural context]. *Skandinavskaia filologiia* = Scandinavian Philology. 2015; 13: 44–52. (In Russian)
5. Ivanchenko GV, Leont'ev DA. Poeziia kak mezhdistsiplinarnyi fenomen: na perekrestke iazyka, kul'tury i lichnosti [Poetry as an interdisciplinary phenomenon: at the crossroads of language, culture and personality]. *Poeziia: opyt mezhdistsiplinarnogo analiza* = Poetry, the experience of cross-disciplinary analysis. Moskva; 2015: 9–29. (In Russian)
6. Karkhu E. G. Istoriia literatury Finliandii: ot istokov do kontsa XIX v. [History of literature in Finland: from the origins to the end of the XIX century]. Leningrad; 1979. (In Russian)
7. Korovin AV. Islandskaia literatura v Amerike (k voprosu o natsional'nykh granitsakh v literature) [Icelandic literature in the U.S.: on the national borders in literature]. *Studia Litterarum*. 2016; 1/2: 192–210. (In Russian)
8. Rubins MO. Literatura v kontekste transnatsional'noi teorii [Literature in the Context of Transnational Theory]. *XXLII Mezhdunarodnaia filologicheskaia konferentsiia, Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2013 g.:*

izbr. tr. = 42nd International Philological Conference 11–16 March 2013. Selected articles. Sankt-Peterburg; 2014: 275–283. (In Russian)
9. Soini EG. Finskie neoromantiki i russkie simvolisty: sravnitel'no-tipologicheskii aspekt [Finnish neoromanticist and Russian Symbolists: the comparative-typological aspect]. *Finno-ugorskie iazyki i kul'tury v sotsiokul'turnom landshafte Rossii: materialy V Vseros. konf. finno-ugrovedov* = The Finno-Ugric languages and culture in the sociocultural landscape of Russia. Proceedings of V National Conference of Finno-Ugric Studies. Petrozavodsk; 2014: 197–200. (In Russian)
10. Takala IR. Ot fennofil'stva k fennomanii: Khenrik Gabriel' Portan i stanovlenie natsional'noi mysli Finliandii [From fennophilia to fennomania: Henric Gabriel Porthan and development of Finnish national thought]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* = Proceedings of Petrozavodsk State University. Series Social and Humanities studies. 2014; 3 (140): 7–17. (In Russian)
11. Ahokas J. A History of Finnish Literature. Bloomington; 1973. (In English)
12. Barck P. O. Arvid Mörne och sekelskiftets Finland. Helsingfors; 1953. (In Swedish)
13. Drábeková Z. On myths and stereotypes concerning mutual relationship of Finnish and Finno-swedish literature. *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Oulu; 2015. (In English)
14. Estlander C. G. K. A. Tavaststjernas nya skådespel. *Finsk Tidskrift*. 1890; 3: 203–214. (in Swedish)
15. Mazzarella M. Det trånga rummet: en finlandssvensk romantradition. Helsinki; 1989. (In Swedish)
16. Nummi J. The power shift of the 1880-s. Themes of isolation and minority in K. A. Tavaststjerna's Barndomsvänner. *Cahiers d'Etudes hongroises et finlandaises*. 2011; 17: 191–209. (In English)
17. Öhrberg A. Tillfälleslitterära transformationer. *Tidskrift för litteraturvetenskap*. 2012; 42; 2/3: 99–110. (In Swedish)
18. Saukkonen P. The Finnish Paradox: Language and Politics in Finland. *Recode Working Paper Series*. 2012; 5: 1–11. (In English)
19. Stark L. The rise of Finnish-language popular literacy viewed through correspondence to newspapers 1856–70. *Vernacular Literacies – Past, Present and Future. Northern studies monographs*. Umeå; 2014: 261–277. Available from: https://jyx.jyu.fi/dspace/handle/123456789/45383 (acessed 05.10.2017). (In English)
20. Steinby L. Det paradoxala med Runeberg som idylldiktare. *Samlaren*. 2013; 134: 74–94. (In Swedish)
21. Söderhjelm W. Karl August Tavaststjerna. En lefnadsteckning. Helsingfors; 1900. Available from: http://runeberg.org/wskat/ (accessed 29.09.2017). (In Swedish)
22. Tavaststjerna K. A. Dikter i väntan. Helsingfors; 1890. Available from: http://runeberg.org/katdiv/ (accessed 06.10.2017). (In Swedish)
23. Tavaststjerna K. A. Dikter. Helsingfors; 1896. Available from: http://runeberg.org/katdikter/ (accessed 06.10.2017). (In Swedish)
24. Tavaststjerna K. A. Laureatus: Epopé i tretton sånger, jämte en samling efterlämnade lyriska dikter. Stockholm; 1897. Available from: http://runeberg.org/katlaur/0053.html (accessed 29.09.2017). (In Swedish)
25. Toftegaard P. A. K. A. Tavaststjerna – vår man i Paris. *Källan*. 2005; 1: 12–17. Available from: http://www2.sls.fi/media/kallan/Kallan1_05.pdf (accessed 29.09.2017). (In Swedish)
26. Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors; 1984. (In Swedish)
27. Wrede J. K. A. Tavaststjerna: den hårda verkligheten. *Finlands svenska litteraturhistoria. Första delen: Åren 1400–1900*. Helsingfors; 1999: 437–445. (In Swedish).